

**Книги философско-критических статей Вяч. Иванова
как художественное единство
и культурфилософский манифест**

Л. В. Маштакова

ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ ПИСАТЕЛЕЙ УРАЛА, ЕКАТЕРИНБУРГ

Аннотация. Статья посвящена трем книгам Вяч. Иванова 1900-х годов: «По звездам» (1909), «Борозды и межи» (1916), «Родное и вселенское» (1917), образующим сверткстковое единство. На материале каждой книги анализируются идейно-тематический, композиционно-архитектонический, образно-символический и стилистический уровни в системе перекличек с поэтическим творчеством Иванова и между книгами; обосновывается жанровая природа книг. Также определяется их место в критической, философской и политической полемике начала XX века.

Неизменность философских, эстетических, критических установок Иванова свойственна как его поэтическим книгам, так и книгам статей. В свете книготворчества рубежа веков книга «По звездам» может быть прочитана как манифест мироустроительного искусства символизма, ставящего задачи современности не только эстетического, но и социально-психологического порядка, определяющего границы личностного (богочеловечество) и социального (соборность) духовного становления. Но при тематическом многообразии на первый план в книге выдвигаются идеи переустройства индивидуалистского сознания личности, формулируется центральное для творчества Иванова положение «ты еси». Книга «Борозды и межи» продолжает развивать единое мирозерцание автора, позволяет подвести итоги символизму начала 1900-х годов, определяет пути выхода

Маштакова Л. В. Книги философско-критических статей Вяч. Иванова как художественное единство и культурфилософский манифест // Критика и семиотика. 2018. № 1. С. 216–229.

ISSN 2307-1737. Критика и семиотика. 2018. № 1
© Л. В. Маштакова, 2018

из кризиса символизма (лейтмотив – преодоление смерти). Третья книга, «Родное и вселенское», вышедшая в год революции и вобравшая статьи, написанные в годы Первой мировой войны, провозглашает прежде всего религиозное перерождение и обновление как вселенское дело страны, славянского народа и христианства. Первая мировая война и революция, при всех возможных рисках, осмысляются как действительная возможность его достижения.

Утопия личностного и «вселенского» духовного самоопределения подкрепляется собственно ивановской концепцией развития мировой культуры (прежде всего литературы), образуя мощный интертекстуальный пласт его статей и формируя своеобразную обобщенную культурфилософскую модель мира. Через призму этой модели им рассматриваются и культурные события современности, и факты истории литературы, и события внутренней и внешней политики страны.

Ключевые слова: Вяч. Иванов; «По звездам», «Борозды и межи», «Родное и вселенское», книга как целое, книга статей, книготворчество.

УДК 821.161.1

DOI 10/25205/2307-1737-2018-1-216-229

Контактная информация: Маштакова Любовь Владиславовна, научный сотрудник Объединенного музея писателей Урала (ул. Пролетарская, 10, Екатеринбург, 620000, Россия, lika170288@mail.ru)

Творчество поэта, философа и теоретика символизма Вячеслава Иванова представляет собой сложное идейно-тематическое и символично-образное единство, что не раз отмечалось критиками и литературоведами как при жизни поэта, так и в современных исследованиях. Однако конкретные принципы и формы выражения этого единства, связующие все многообразные проявления его творческой мысли, до сих пор требуют определения и комментария. В самый активный творческий период 1900–1910-х годов Иванов издает три книги философско-критических статей: «По звездам» (1909), «Борозды и межи» (1916), «Родное и вселенское» (1917). Каждая из них не только обладает внутренней целостностью, но и является частью его как бы равного самому себе во всех своих проявлениях творческого пути. Подход к данным книгам как к целым и целостным единствам – своего рода сверхжанровым образованиям – помогает понять принципы организации художественной философии Иванова, «уловить» некий заложенный в книге код, лежащий в основе ее архитектоники.

Единство трех книг задает специфическая онтологическая картина мира Иванова, которая выстраивается в трех основных аспектах: философско-религиозном с религиозно-психологическим аспектом, историософском и художественно-эстетическом. Им соответствуют три разноразные, но взаимообращенные ипостаси автора: философ и отчасти психолог, исто-

риософ, критик и теоретик. Каждая из трех книг выдвигает на первый план один из этих аспектов, так или иначе подразумевая два других, так что взаимосвязаны становятся не только статьи внутри книг, но и книги между собой. Идеей, объединяющей все три обозначенных аспекта и последовательно развивающейся в статьях 1900–1910-х годов является идея социокультурной революции через сближение и взаимопроникновение сфер искусства и религии, она и обуславливает ракурс исследования книг Иванова как планомерно выстраиваемого поэтом культурфилософского манифеста. Эта идея достаточно популярна в начале XX века, но у Иванова она получает как особую теоретическую разработку, так и художественное осмысление.

«По звездам» (1909)

«По звездам» – первая в ряду философско-критических книг поэта. Она стала собранием и обработкой статей, благодаря которым за их автором прочно закрепилась репутация мэтра теории символизма.

В самом ее названии – очевидная отсылка к книге поэтической, «Кормчие звезды». Оно актуализует символический мотив «пути по звездам», «внутреннего тайного пути» [Титаренко, 2012, с. 251]. В идейно-содержательном плане концептуальное ядро книги, центральный символический мотив – это мотив становления, превосхождения себя (мотив, свойственный модернизму в целом, определяющий «смысл существования как пребывание в движении, в состоянии креативного процесса, не заверщенного *sui generis*» [Грякалова, 2008, с. 3]). В 1905 году Иванов определяет этот мотив-принцип в терминах восхождения и нисхождения, описанных в «Символике эстетических начал» (входит в книгу «По звездам»): «Взмывший орел; прынувший вал; напряжение столпное и башенный вызов <...> – вот образы того “возвышенного”, которое вызывает к погребенному я в нас: “Лазаре, гряди вон!” – и к ограниченному я в нас заветом Августина: “Прейди самого себя”. <...> И когда на высших ступенях восхождения совершается видимое изменение, претворение восходящего от земли и земле родного, тогда душу пронзает победное ликование, вещая радость запредельной свободы. <...> Но отрешенный, белый разрыв с зеленым долом – еще не красота. Божественное благо, и нисходит, радуясь, долу. <...> Восхождение – разрыв и разлука; нисхождение – возврат и благовестие победы» [Иванов, 1909, с. 21–24]¹. Конкретно-личностный аспект и смысл «восхождения-нисхождения», как способа и принципа познания и как лейтмотива, проходящего через все поэтическое творчество Иванова этой поры, здесь безусловен, на нем надстраиваются творческий и социальный аспекты.

¹ Цитаты приводятся по дореволюционным изданиям в соответствии с современной орфографией.

Мотив становления диктует композицию книги. В ней четыре неравно-великих по объему пронумерованных отдела. В первом поэт заостряет внимание на изменившемся сознании современного ему человека, а также на смене социокультурной индивидуалистической парадигмы на соборную, над-индивидуальную. Смена эта должна проходить прежде всего в духе, стать качественным изменением религиозности современного человека. Наиболее чуткий локатор изменений – искусство, оно же должно стать направляющим, преобразующим человека и общество. Логично, что во втором разделе Иванов помещает два эссе (по сути – филологический анализ) творчества Байрона и Пушкина, осмысляя романтизм и романтическую традицию, пережитую и качественно измененную Пушкиным, выводящим в своих «Цыганах» (по мысли критика) идеал соборности. Третий отдел утверждает право символизма, который Иванов именует реалистическим, т. е. подлинно прозревающим истинную реальность, на переустройство мира, и главенствующая роль в нем уделяется театру – по античному образцу. И, наконец, в четвертом отделе осмысляются конкретные механизмы переустройства души человека в психологическом (или, скорее, метапсихологическом) и мифологическом ключе. Иначе говоря, по большому счету, книга отвечает на главные вопросы, формирующие любое направление в культуре и искусстве: почему современному искусству необходима новая эстетическая парадигма, где ее истоки, в чем ее необходимость и какие непосредственно средства репрезентации она предполагает.

Статьи книги чередуются и komponуются по принципу своеобразных идейно-тематических колец, самое большое из которых соединяет первую и последнюю статьи: финальное «Ты еси» продолжает в преломлении процессов бессознательного тему первых статей «Ницше и Дионис» и «Кризис индивидуализма», в которых означает тема культурных знаков духовного кризиса и необходимости религиозного обновления искусства. Таким образом, самый большой тематический вектор книги – от индивидуалистского «Я есмь» к соединению с божественным, «Ты еси» (этот имплицитный сверхсюжет книги можно сравнить, например, с сюжетом поэмы-мелопеи Иванова «Человек», 1939).

Разные аспекты мотива становления реализуются через узловые образы-символы, каждый из которых связует отдельные статьи книги «По звездам» между собой и также с книгами лирики. Один из центральных таких образов-символов – Художник, «медиум народа-художника» [Иванов, 1909, с. 246]. Он одновременно и предводитель народного хора, его часть, и провидец, обладающий тайновидением и тайнознанием. Через призму мифологемы Художника рассматриваются автором и деятели искусства разных эпох (Бетховен, Вагнер, Рафаэль, Достоевский, Пушкин, Байрон и др.), они сами становятся частью единого мифа и предстают в книге своеобразными ключами, кодом к целому мысли, ее «кормчими

звездами». С их помощью Иванов создает полотно сверхтекстового пространства книги, они выстраивают мифологические сюжеты, становящиеся своеобразной матрицей как для поэтического творчества, так и для критической и философской мысли. Но также и вся мировая культура при этом может рассматриваться как сюжет становления, поиска путей к соборности. Так, Иванов уже в первой книге статей конструирует не только антропологическую утопию, но и историсофскую, и эстетическую – он создает модель достижения искомого вселенского единства средствами обновленного символического искусства.

«Борозды и межи» (1916)

На какую почву упало семя символизма и что подготовило эту почву – главный вопрос книги «По звездам», дало ли оно всходы – главный вопрос книги «Борозды и межи». Это вторая книга статей Вяч. Иванова, вышедшая в 1916 году в издательстве «Мусагет». Как отмечает в предисловии сам автор, она «продолжает развивать единое миросозерцание, основы которого уже намечены в первой (“По Звездам”)». Миросозерцание живо – поскольку оно рождает новые стремления; зрело – поскольку обретаете в себе закон. В этой книге читатель найдет и поднятые борозды, и предельные межи...» [Иванов, 1916, с. 2].

Известную рецензию на «Борозды и межи» «Вячеслав великопепный» Л. Шестов начинает с разбора слова «миросозерцание», вернее, с того, что оно значит для Иванова и чем его употребление применительно к ивановской эстетике отличается от аналогичного в работах его предшественников. «В. Иванов дорожит не тем, что он думает, не тем, что вообще люди могут думать <...> а тем, что они могут сделать и – главное – показать. Его идеи и мысли потому <...> живут своей собственной, независимой жизнью, рождаясь, умирая и воскресая в свои особенные, им судьбой положенные, сроки» [Шестов, 1993, с. 244]. «Сделать» и «показать» – в этих точных глаголах Шестов обозначил главный вектор всего творчества Иванова, направленный не только на эстетическое, но религиозное делание и, непременно, трансляцию опыта. Остановимся на обобщающем эти глаголы слове «миросозерцание».

Миросозерцание – не мировоззрение², в нем семантически ощутима феноменологическая интенциональность, оно подвижно и действительно

² Слово «мировоззрение» в 1900-е уже было известно литературе, хотя зачастую его значение совпадало с «миросозерцанием» [Колесов, 2006]. М. Горький в статье «О пьесах» (1933) отмечает пассивность слова «миросозерцание», этому слову у Иванова ближе становится «миропонимание» Горького, однако ранее писатель в заметке «По поводу нового рассказа А. П. Чехова “В овраге”» объясняет слово «миросозерцание» как «личное представление человека о мире и о своей роли в нем» [Горький М., Чехов А. П. Переписка..., 1951, с. 124], и в этом понимании оно совпадает с мировоззрением. Таким образом, выбранное Ивановым слово

«живо». Со времени «Кормчих звезд» Иванов настаивает на «созерцании» как на ведущем принципе познания, умозрения. Задача читателя, по его замыслу, «уловить» этот связующий нерв, «найти» его. Другими словами, книгу можно читать не только как веху уже «пройденного» символизма, но и как тайну, и этот поиск начинается уже с первых страниц книги.

На протяжении всей книги развивается обозначенная еще в предисловии тема смерти-возрождения и смерти и бессмертия. Статьи, посвященные Достоевскому, Толстому и Соловьеву³, объединены буквально «погребальным» заголовком, «Героические тризны». Однако «героические тризны» – это тризны не только по героям (доклады, предшествующие статьям, читались Ивановым на вечерах памяти⁴), здесь почти буквальная автоцитация эссе «Ницше и Дионис» из книги «По звездам» (1909). Ницше вернул мировой культуре образ страдающего бога и тем самым задал ей новый, вернее, обновленный импульс трагического: он «разрешил похоронную тоску пессимизма в пламя героической тризны, в Фениксов костер мирового трагизма. Он возвратил жизни ее трагического бога» [Иванов, 1909, с. 4]. Но именно в творчестве Достоевского, Толстого и Соловьева происходит то, что отрицал в себе немецкий философ – поворот «к вопросам веры», они вершат «религиозное дело» (ст. «Религиозное дело Владимира Соловьева»), т. е. именно религиозное *дело* и *действие* – критерии, по которым оценивается художник нового времени.

Так складывается у Иванова модель подлинно символистского художника. В соответствии или несоответствии с ней одни остаются в ряду живых и после смерти, а другие проходят «мимо жизни»⁵.

Согласно этой модели, акт творчества выходит за границы эстетики, искусство становится «теургическим переходом», это трансцензус за пределы не только эмпирической реальности, но и символизма как такового,

не только книжное, переводное в 1900-е годы, но и сознательно выбранное из нескольких паронимов, семантически не устоявшихся в литературе того времени. Именно его использует Н. Бердяев в известной книге «Миросозерцание Достоевского» (1923).

³ Как отмечает А. Б. Шишкин, «перед нами формализация символистского канона: эти три имени составляют *большую культуру*, как собственно литературную, так и религиозно-духовную, которая должна формировать становящуюся эпоху» [2003, с. 87].

⁴ Также были опубликованы в связи с годовщинами смерти писателей, и название раздела, таким образом, знаменует высший, символический смысл событий [Шишкин, 2003, с. 87]. В обозначенной работе упоминание о необычном заседании Московского религиозно-философского общества с молением. Однако замечание исследователя о смысле заголовка раздела не отменяет символических значений, развиваемых нами далее.

⁵ «Мимо жизни» – статья 1916 года, посвященная творчеству Д. С. Мережковского, вошла в книгу «Родное и вселенское».

«символ становится плотью, и слово – жизнью животворящею, и музыка – гармонией сфер» [Иванов, 1916, с. 226].

Однако такая позиция художника-пророка создает трагический разрыв между ним и его реципиентом, по сути – толпой, которой должно стать Богочеловечеством. Площадкой для единения «поэта и черни» должен стать всенародный театр. Сила, которой совершается преодоление этого разрыва, – катарсическая, это сила трагедии. Обратившись к религиозным первоисточкам этого жанра, по Иванову, можно переустроить не только театральное искусство, но и социум в целом, в театре, как в храме, должно произойти слияние «актеров и зрителей в одно оргийное тело» [Иванов, 1909, с. 218]. Осуществление этой глобальной задачи, поставленной символизмом на рубеже веков, становится более реальным в социально нестабильную эпоху 1910-х. Если в 1909 году это только «предчувствия и предвестия»⁶, то в 1916 году Иванов более экспрессивен в оценках кризиса искусства: без кардинальных изменений не только эстетического порядка художник может остаться в стороне от революционных событий. Так от художника как ядерного центра нового искусства Иванов постепенно обращается к толпе (статья «О кризисе театра»). Позже эти идеи он разовьет в своем докладе на заседании Художественного отдела Первого Всероссийского съезда по внешкольному образованию 9 мая 1919 года: нужно открыть «дарованиям народа возможность художественного развития» и «осторожными тонкими побуждениями (импульсами) облегчить народу коллективное проявление самобытных творческих сил» [Берд, 2006, с. 191].

В статьях книги «Борозды и межи» набирает силу патетическое воззвание Иванова к религиозному «вселенскому деланию», вне которого не мыслится духовная работа одного человека. Это отражают и два центральных концепта его творческой мысли в целом, появляющиеся в это время, – родное и вселенское, так он называет свою третью книгу статей.

«Родное и вселенское» (1917)

Книга «Родное и вселенское» завершает период мощного книготворчества Иванова. Статьи, входящие в нее, создавались автором в самые неспокойные для страны годы Первой мировой войны и революции и, в том числе, как реакция на них.

Целостность книги задает ее название. В этом сочетании, «родное и вселенское», по словам А. Ф. Лосева, «заключено максимальное космическое, всеохватное и в то же время максимально родное и интимно пережитое. Его художественность заключается в отождествлении родного и вселенского, в этом объединении двух сфер, которые, казалось бы, ниче-

⁶ «Предчувствия и предвестия» – статья 1906 года, вошла в книгу «По звездам».

го общего между собой не имеют» [Лосев, 1989, с. 465]. Притом именно *отождествление*, в духе монадологии Лейбница, части и целого, когда часть повторяет принципы и законы целого: «В глубине глубин, нам не достигаемой, все мы – одна система вселенского кровообращения, питающая единое всечеловеческое сердце» [Иванов, Гершензон, 2006, с. 74]. Сила, движущая этот кровоток, – для Иванова, безусловно, культура, неслучайно диалогом о культуре становится один из самых значимых документов русской философии послереволюционной поры – «Переписка из двух углов» (1921). Для Иванова невозможно мыслить себя вне всеобщей культурной и цивилизационной истории. Родное и вселенское, таким образом, – это лаконичная формула, заключающая в себе особенность мышления и миропонимания поэта, когда через культуру, культурные параллели осмысляется и личный биографический опыт, и путь человека вообще, путь страны, нации, цивилизации, и осмысляется при этом как единый и разомкнутый во времени и пространстве процесс. В то же время события 1914–1917 годов обостряют рефлексию Иванова на себя и как поэта-символиста, т. е. «пророка», могущего прозреть пути страны, и как неославянофила и почитателя философии А. С. Хомякова, поддерживающего мессианскую роль России. Так название книги подкрепляет и патриотический пафос «дело Отечества» – «вселенское дело».

Поскольку «вселенское дело» воспринимается через культуру, оно обретает и свои культурные идеологемы. Во главе всемирного мистического действия Иванов видит тех же «героев» своих более ранних статей: это, в первую очередь, Достоевский (его памяти посвящена книга), Гёте и Байрон. Каждый из них в контексте художественной философии Иванова становится как бы образом-символом, заключающим в себе, в своем творчестве определенное послание миру, могущее при правильном прочтении и интерпретации мир изменить. Для Иванова важна и индивидуальная творческая сила гениев, выходящая в пределы «вселенские», и – обратно – вневременной характер этого послания, делающий вселенское родным, актуальным, насущным.

Фигура Гёте в контексте мировой культуры занимает Иванова еще в пору его студенчества. Произведения немецкого классика осмысляются им в ранней и более поздней лирике и статьях. Гёте понимается Ивановым как первый реалистический символист, воплощающий в своем творчестве принцип постоянного стремления к «бытию высочайшему». Выход за грани рационального познания, постоянное движение, становление познающего сознания олицетворяет, прежде всего, герой «Фауста». В статье «Гёте на рубеже двух столетий» (1912), которая должна была войти в книгу «Борозды и межи»⁷, Иванов повторяет гётевскую формулу, ставшую для него

⁷ О причине исключения статьи из книги Иванов говорит в предисловии: «трудности печатного дела в военное время» [1916, с. 2].

своеобразным девизом еще в 1980-е годы: «будишь и живишь во мне решение крепкое – к бытию высочайшему стремиться неустанно» [Иванов, 1987, с. 139], полагая, что эти слова близки самому Гёте. В этой же статье, наиболее полно, наверное, отражающей опыт критического осмысления Ивановым творчества немецкого поэта и писателя, он трактует финал второй части трагедии. Фауст, по Иванову, – это «гений европейского человечества, которое в его судьбах символически переживает свои» [Там же, с. 154], т. е. мыслится как архетип человека европейской цивилизации, с одной стороны, с другой стороны, обобщенный тип индивидуалиста. В докладе «Вселенское дело», вошедшем в «Родное и вселенское» в виде статьи, Фауст уже не олицетворение общеевропейской культуры, а индивидуалистический и саморазрушающий «синтетический тип немецкого духа» [Иванов, 1917, с. 9]. В целом, это не противоречит более раннему толкованию замысла Гёте у Иванова, но в годы войны поэту крайне важно подчеркнуть национальную принадлежность героя. Освобождение мира от «германства», по Иванову, – главная задача и ответственность перед всем миром «славянства». Это не только русская мессианская идея, но идея, объединяющая все славянские народы, исторически и генетически связанные в духе соловьевско-ивановского единения всего со всем.

Сближение России в ходе войны с Англией, казалось, далекой от русской души, Иванов воспринимает с воодушевлением и также через культурные символы. С английской темой в «Родном и вселенском» связаны в большей степени две статьи – «Россия, Англия и Азия» (1915) и «Байронизм как событие русского духа» (1916). Сугубо политический, военный союз России с Англией Иванов видит как культурно и религиозно плодотворный, как реальное объединение Востока (колониальная Англия) и Запада под эгидой обновленного культурным опытом Азии христианства. Англию Иванов называет «наставницей народов в науке свободы» [Там же, с. 31], и первая роль в этой науке отдается, конечно, Байрону. Байронизм, по Иванову, дал России «общественное откровение о личности» [Там же]. Учение о свободе духа, воспринятое Западом практически и политически, для славянского мира стало «огненным крещением духа, первою врезавшуюся в сердца, как раскаленная печать, вестью об извечном праве и власти человеческой личности на свободное самоопределение перед людьми и Божеством» [Там же].

Вновь актуальный в условиях культурного кризиса байронизм⁸, понимаемый как мировоззрение, заключающее в себе силу свободного порыва, самоутверждения личности, дополнялся популярностью в России рубежа веков Ницше, Бергсона, Ибсена, Шопенгауэра. Иванов обращался к английскому поэту ранее: в двух статьях книги «По звездам», «Байрон и идея анархии» и «О “Цыганах” Пушкина», утверждается индивидуалистиче-

⁸ Подробнее о байронизме в 1910-е годы см. [Королева, 2014, с. 53–75].

ский пафос личности в творчестве Байрона, основополагающий для европейской культуры с начала XIX века. В первой статье Иванов вскрывает основное противоречие личности Байрона: народный трибун, с одной стороны, с другой – индивидуалист-сверхчеловек: «Друг демоса и враг тиранов, он сам, под масками своего творчества, нередко кажется тираном без демоса» [Иванов, 1909, с. 127]. Однако между двумя крайностями появляется примиряющая их идея анархизма, понятого не просто как безвластие, но как духовная свобода. Пример такой анархической общины в «Острове» Байрона, разбору которого и посвящена статья. Эта идея, по Иванову, только нарождается в мире, она как бы подсказана поэту «неясным шепотом». Идеал анархической общины был воплощен Пушкиным, переживающим увлечение байронизмом, много почерпнувшим в стилевом отношении, но, в конце концов, его перерастающим (такую общину представляет собой табор в «Цыганах» [Там же, с. 153]).

В 1900-е Иванова волнует байронизм как творческий импульс индивидуализма начала XIX века, романтический бунт, породивший обновление культуры и приводящий в итоге к мысли об анархическом обществе, объединенном идеалом соборности. В годы Первой мировой войны через Байрона им формулируется сущность национальной души Англии как «наставницы». Глубокую духовную суть этого учения не восприняла Франция с рассудочной и поверхностной формулой «свободы, равенства и братства», но пережила и осмыслила Россия, правда, во многом благодаря силе другого гения.

Главная идеологема на собственно русской почве в историософии Иванова, вмещающая в себя и стремление «к бытию высочайшему» Фауста, и байроновское понимание свободы, – это, конечно, фигура Достоевского. В статье «Лик и личины России» Иванов выводит три персонифицированные силы, владеющие русским духом: от Аримана (низко-материальное и бездвижное – Федор Карамазов), от Люцифера (богоборческое, но при этом деятельное «аз есмь» – Иван Карамазов), от Христа (находящее единство с Богом, «ты еси» – Алеша), из которых, разумеется, только третья выведет страну к чаемой соборности, обновленной «святой Руси». На протяжении всей книги через героев Достоевского, вырастающих у Иванова до архетипов русской души, как и через идеи Достоевского, толкуются проблемы нравственно-эстетического, религиозного, политического порядка. Так, в «Живом предании», споря с Бердяевым и оправдывая свое неославянофильство, Иванов приходит к фигуре Алеши, воплощающей новый тип «соборного» сознания, называя таких людей «алешинцами» и разумея себя среди них. Через общее славянское дело «в духе соборное, во Христе вселенское» [Иванов, 1917, с. 66] (путь Алеши), снова упоминая Достоевского, говорит он о необходимости объединения России и Польши и о гибельности сепарации для последней. От образа Дон-Кихота («Шекспир и Сервантес») до критики Мережковского («Мимо жизни»), от куль-

турного значения байронизма до художественных приемов Белого («Вдохновение ужаса») – все осмысляется, в большей или меньшей степени, через идеи Достоевского и метафизику русского (славянского) мессианского самоопределения, проблему, остро вставшую в годы Первой мировой войны. И именно Достоевский, по Иванову, предвидел «страшные муки» родов этого самосознания и самоопределения, исторически вылившиеся в Революцию 1917 года.

Четыре финальные статьи «Родного и вселенского» написаны Ивановым уже в 1917 году, они отличаются от предыдущих по своему основному пафосу и композиционно помещены автором за разделительной чертой в содержании. Здесь Иванов констатирует: «Самоопределение народное доселе не обнаружилось», и «революция протекает внерелигиозно» [Иванов, 1917, с. 185]. Однако и в эти годы Иванов продолжает находить культурные свидетельства духовных преобразований. Статья «Скрябин и дух революции» (результат дружбы Иванова с композитором в московские годы) продолжает размышления о народном самоопределении. «Величавый рев и звон мирового оркестра» [Блок, 1962, с. 20] лишился, по Иванову, своего главного религиозного основания, но истинную ее музыку все же можно услышать: не на улицах, а в сочинениях Скрябина, «алкавшего» соборности, и «пламенного патриота по живому чувствованию своих духовных корней» [Иванов, 1917, с. 196]. Таким, считает Иванов, и должен быть русский человек, (снова) по Достоевскому, таким должен быть дионисийский, по сути, «Духовный лик славянства» (так названа последняя статья в книге): «...когда впервые согласно скажет славянство свое окончательное вселенское слово, тогда иноплеменный мир воочию увидит его особенный внутренний образ; теперь же не знает его, потому что не воплощено слово во всеславянском историческом действии» [Там же, с. 200]. Так, Иванов вновь возвращается к началу книги, поддерживая кольцевую композицию: «вселенское дело», к которому он призывал в 1914 году, не свершилось, но в будущем оно возможно. О послереволюционных же годах Иванова, времени, когда «соборность» заменил «легион», коллективизм, Б. Зайцев не без иронии заметил: «Как будто начинали сбываться давнишние его мечты – учение о “соборности”, в конце индивидуализма и замкнутости в себе – но именно только “как будто”. Вот от этой самой соборности он только и мечтал куда-нибудь “утечь”» [2002, с. 235].

* * *

«Давнишние мечты», о которых упоминает Зайцев, символистская утопия переустройства мира, основанная на взаимопроникновении искусства и религии, диктуют внутреннее идейно-тематическое единство трех философско-критических книг поэта. Книга «По звездам» раскрывает идею становления, религиозного преобразования сознания человека, озаменованного искусством символизма. «Борозды и межи» углубляет понимание символизма как особого мировидения, перерастающего рамки литератур-

ного направления, а в «Родном и вселенском» патетически утверждается его мироустроительная программа. Формирование целостной философской концепции Иванова поддерживается внешним композиционным единством. Разделение статей на блоки (прежде всего это касается книг «По звездам» и «Борозды и межи»), нумерация, заголовки статей и разделов задают не только форму кольца, круга, но и выход из него – это система автоцитат и перекличек внутри книг и между книгами. Все это позволяет говорить как о целостности каждой книги, так и о своеобразном художественном единстве всех трех книг Вяч. Иванова.

Список литературы

Берд Р. Вяч. Иванов и массовые празднества ранней советской эпохи // Русская литература. 2006. № 2. С. 174–197.

Блок А. А. Собр. соч.: В 8 т. / Подгот. текста Д. Е. Максимова, Г. Шабельской. М.; Л.: Гослитиздат, 1962. Т. 6: Проза, 1918–1921. 556 с.

Горький М., Чехов А. П. Переписка. Статьи. Высказывания: Сб. материалов / Подгот. текста и коммент. Н. И. Гитович. М.: Гослитиздат, 1951. 288 с.

Грякалова Н. Ю. Человек модерна. Биография – рефлексия – письмо. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. 383 с.

Зайцев Б. Странное путешествие / Сост., вступ. ст. и примеч. С. Федякина. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 415 с.

Иванов В. По звездам: статьи и афоризмы. СПб.: Оры, 1909. 440 с.

Иванов В. Борозды и Межи. Опыт эстетические и критические. М.: Мусагет, 1916. 351 с.

Иванов В. Родное и вселенское. Статьи 1914–1917. М.: Изд. Г. А. Лемана и С. И. Сахарова, 1917. 207 с.

Иванов Вяч. И. Собр. соч.: В 4 т. / Под ред. Д. В. Иванова, О. Дешарт. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1987. Т. 4. 800 с.

Иванов Вяч., Гершензон М. Переписка из двух углов. М.: Водолей Publishers; Прогресс-Плеяда, 2006. 208 с.

Колесов В. В. Гордый наш язык... СПб.: Азбука-Классика, 2006. 352 с.

Королева С. Б. Русско-английский литературный диалог: эпизоды: Сб. ст. М.: Директ-Медиа, 2014. 229 с.

Лосев А. Ф. Из последних воспоминаний о Вячеславе Иванове // Эсхил. Трагедии / Пер. Вяч. Иванова. М.: Наука, 1989. С. 464–466.

Титаренко С. Д. Фауст нашего века: мифопоэтика Вячеслава Иванова. СПб.: Петрополис, 2012. 654 с.

Шестов Л. Соч.: В 2 т. / Сост., вступ. ст. и примеч. А. В. Ахутина. М.: Наука, 1993. Т. 1. Власть ключей. 668 с.

Шишкин А. Б. «Толстой и/или Достоевский»: случай Вячеслава Иванова // Толстой или Достоевский? Философско-эстетические искания

в культурах Востока и Запада: Материалы Междунар. науч. конф. СПб.: Наука, 2003. С. 82–99.

Article metadata

Title: The Three Philosophical and Critical Books by Vyacheslav Ivanov as the Artistic Unity and the Cultural and Philosophical Manifesto

Author: L. V. Mashtakova

Author's e-mail: lika170288@mail.ru

Author affiliation: The United Museum of the Urals Writers

Abstract. The article deals with the three philosophical and critical books by Vyacheslav Ivanov: «Po zvezdam» (By the stars, 1909), «Borozdy i Mezhy» (Furrows and Boundaries, 1916) and «Rodnoe i Vselenskoe» (Matters Native and Universal, 1917) making a supertext unity, as the title implies. The author describes in detail the planes of themes and ideas, compositional and architectural planes, images and symbols, stylistic plane in each book; analyzes the correspondences between Ivanov's poetry and philosophical and critical heritage and directly between these books, and deals with genre of the book. Also, the article is devoted to the place of Ivanov's books in the critical, philosophical and political polemics of the early 20th century.

The invariability of Ivanov's philosophical, aesthetic, and critical attitudes is inherent both in his poetic books and in the books of his articles. In the light of the book's creation theory («knigotvorchestvo») in the beginning of 20th century, the book «Po zvezdam» can be read as a manifesto of the world-building symbolism art, based not only on aesthetic, but also on social and psychological targets, determining the boundaries of personal and social spiritual development. But with the thematic diversity, the book puts forward the ideas of reconstructing the individual's personal consciousness of the individual, formulates the central position for Ivanov's creativity «Thou art» («Ty esi»). The book «Borozdy i Mezhy» carries on developing the author's personal philosophy of life, that allows us to sum up the symbolism art results of the 1900s and outline ways out of the symbolism art crisis (the main keynote is to overcome death). The third book «Rodnoe i Vselenskoe» published during the Russian revolution and including the articles written at the time of the World War, first of all, proclaims religious rebirth and renewal as the general goal of Russia, the Slavic people and Christianity. The First World War and the Revolution with all possible risks are understood by Ivanov as a real opportunity to achieve this goal.

The utopia of the personal and universal spiritual self-determination is supported by Ivanov's conception of the world cultural development (primarily, of literature), forming a powerful intertextual plan of his articles making some kind of generalized cultural and philosophical model of the world. Through the prism of this model he also considers the cultural facts of the present, the facts of the history of literature and the facts of the Russian domestic and foreign policies.

Key terms: Vyacheslav Ivanov, Po zvezdam, By the stars, Borozdy i Mezhy, Furrows and Boundaries, Rodnoe i Vselenskoe, Matters Native and Universal, book of essays, book's creation theory, the book as a whole.

Reference literature (in transliteration):

Berd R. Vyach. Ivanov i massovye prazdnstva ranney sovetskoy epokhi. Russkaya literatura, 2006, no. 2, p. 174–197. (In Russ.)

Blok A. A. Sobr. soch. In 8 vols. Podgot. teksta D. E. Maksimova, G. Shabelskoy. Moscow, Leningrad, Goslitizdat, 1962, vol. 6: Proza, 1918–1921, 556 p. (In Russ.)

Gorkiy M., Chehov A. P. Perepiska. Stat'i. Vyskazyvaniya: Sb. materialov. Podgot. teksta i komment. N. I. Gitovich. Moscow, Goslitizdat, 1951, 288 p. (In Russ.)

Gryakalova N. Yu. Chelovek moderna. Biografiya – refleksiya – pismo. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin, 2008, 383 p. (In Russ.)

Ivanov V. Borozdy i Mezhi. Opyty esteticheskie i kriticheskie. Moscow, Musaget, 1916, 351 p. (In Russ.)

Ivanov V. Po zvezdam: stat'i i aforizmy. St. Petersburg, Ory, 1909, 440 p. (In Russ.)

Ivanov V. Rodnoe i vselenskoe. Stat'i 1914–1917. Moscow, Izd. G. A. Leimana i S. I. Sakharova, 1917, 207 p. (In Russ.)

Ivanov Vyach. I. Sobr. soch. In 4 vols. Pod red. D. V. Ivanova, O. Deshart. Bryussel, Foyer Oriental Chrétien, 1987, vol. 4, 800 p. (In Russ.)

Ivanov Vyach., Gershenzon M. Perepiska iz dvukh uglov. Moscow, Vodoley Publishers; Progress-Pleyada, 2006, 208 p. (In Russ.)

Kolesov V. V. Gordyi nash yazyk... St. Petersburg, Azbuka-Klassika, 2006, 352 p. (In Russ.)

Koroleva S. B. Russko-angliyskiy literaturnyi dialog: pizody: Sb. st. Moscow, Direkt-Media, 2014, 229 p. (In Russ.)

Losev A. F. Iz poslednikh vospominaniy o Vyacheslave Ivanove. *Aeschylus. Tragedy*. Transl. by Vyach. Ivanov. Moscow, Nauka, 1989. p. 464–466. (In Russ.)

Shestov L. Soch. In 2 vols. Sost., vstup. st. i primech. A. V. Akhutina. Moscow, Nauka, 1993, vol. 1. Vlast' klyuchey. 668 p. (In Russ.)

Shishkin A. B. «Tolstoy i / ili Dostoevskiy»: sluchay Vyacheslava Ivanova. *Tolstoy ili Dostoevskiy? Filosofsko-esteticheskie iskaniya v kul'turakh Vostoka i Zapada*. Materialy Mezhdunar. nauch. konf. St. Petersburg, Nauka, 2003. p. 82–99. (In Russ.)

Titarenko S. D. Faust nashego veka: mifopoetika Vyacheslava Ivanova. St. Petersburg, Petropolis, 2012, 654 p. (In Russ.)

Zaytsev B. Strannoe puteshestvie. / Sost., vstup. st. i primech. S. Fedyakina. Moscow, OLMA-PRESS, 2002, 415 p. (In Russ.)